

19 июля 2014 г.

Наталия Потанина рассказала о своем судебном процессе в интервью агентства РАПСИ.

Бракоразводный процесс президента холдинговой компании "Интеррос", гендиректора горно-металлургической компании "Норильский никель" Владимира Потанина стал одним из наиболее громких в последние месяцы в России. Его бывшая супруга Наталия в эксклюзивном интервью РАПСИ решила рассказать, какое имущество в суде делит с ней олигарх, когда они на самом деле расстались и почему умение договариваться для нее – высшее благо.

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

- Наталия Николаевна, ваши юристы настаивали на открытости процесса по искам Потанина, в то время как его представитель требовала - и в итоге

добилась - слушаний в закрытом режиме. Почему для вас было принципиальным присутствие СМИ на заседании и огласка вообще? И что именно ваш бывший супруг пытался скрыть? Удалось ли ему это?

Если уж мы не смогли найти возможность поговорить друг с другом, договориться между собой и если каким-то образом это вышло из семьи, то я не вижу смысла в закрытии процесса. Наш развод и так уже оказался в центре общественного внимания. Истинная цель, как я сейчас вижу, была не скрыть подробности личной жизни, а видимо какая-то другая.

- А вы вообще пытались поговорить и решить все вопросы в досудебном порядке?

В 20-х числах ноября в Лужках, в том месте, где мы всегда проводили выходные - это была наша традиция - мы ужинали вместе со старшей дочкой Настей и младшим сыном Василием. После ужина дети уехали в Москву, Владимир Олегович пригласил меня выпить по чашечке чая. И за чашкой чая он жестко, агрессивно и настойчиво предложил мне, вернее, просто поставил меня в известность о том, что хочет со мной развестись. Он предложил мне бумаги на подпись, в которых говорилось о том, что у меня нет никаких материальных претензий, и я не возражаю о передаче денег на благотворительность, имущества и активов, бенефициаром которых он является. Мне также предложили подписать доверенность на женщину, которая должна будет представлять меня в суде, но которую я никогда не видела. Бумаги я не подписала, так что разговор у нас не сложился. Само предложение стало неожиданностью еще и потому, что это было воскресенье, а в следующую субботу я планировала вылететь на операцию в Америку, младший сын Василий должен был прилететь еще через неделю, дабы позаниматься с репетиторами, подтянуть язык, чтобы получить право на поступление в американскую школу. Мы все заранее обсуждали (когда я говорю мы, я подразумеваю нас с Владимиром Олеговичем) и это была совершенно запланированная поездка: нам в ее организации помогали многие люди, в том числе секретариат Владимира Олеговича. Сохранилась вся переписка с ним, как и переписка с туристическим агентством господина Атанасова. Нами занималась дама Хеттер Гатто, которая искала и предлагала ко вниманию школы, была в постоянном контакте с секретариатом Владимира Олеговича.

- То есть у вас были совместные планы, и ничто не предвещало вот такого развития событий?

Для меня это заявление ударило как гром среди ясного неба. На мои просьбы поговорить и договориться мне ответили жестким категорическим отказом. Мне всегда казалось, что даже если что-то случилось, всегда можно все обсудить и договориться. Сын собирался поступать в школу, он очень ответственный, очень хорошо учится, и перед отъездом в Америку он много занимался. Соответственно, был не в курсе того, что произошло в семье, и эта ситуация была бы для него шоком. В тот момент сообщать ему о разводе родителей, которые в принципе в его понимании были лучшими родителями на свете, мне казалось не правильным. Поэтому я предлагала Владимиру Олеговичу отложить этот разговор до моего возвращения из Америки через три недели, но мое предложение принято не было. Мало того, мне было сказано, что если я посмею обратиться в российский суд, то меня никогда не услышат, никакие мои доводы не будут приняты к сведению, доказать его принадлежность к активам у меня тоже не получится. Что, собственно говоря, наверное, и происходит. В этом он был прав, что доказать я ничего не смогу.

- Для вас до сих пор загадка, почему произошла такая резкая перемена в отношениях?

Да. Просто ответ "да".

- Так какую информацию хотел скрыть Владимир Потанин, закрывая процесс?

Заявление моего бывшего мужа о том, что мы разошлись в 2007 году, прозвучало для меня, по крайней мере, странно. Мы проводили выходные вместе, вместе отдыхали. После 2007 года провели не один отпуск вместе с коллегам, с друзьями, со старшим сыном и его женой, подругами дочери. Может быть, тогда есть, что скрывать? Но в суде нас не услышали, точнее даже не стали слушать. А в суд в качестве свидетелей пришли друзья, наши знакомые иностранцы давали письменные показания, подтверждающие, что мы вместе отдыхаем, что мы - семья, но, как мне кажется, письма эти не были прочитаны и не были приобщены к делу, хотя были подготовлены по всем правилам и нотариально заверены.

Парадокс судебного решения по разводу в том, что нас развели банально на основании договоров аренды – какие-то были подписаны мной, какие-то мужем (тогда еще мужем). Насколько я знаю, Филиппу (Рябченко, представителю интересов Потаниной - РАПСИ) дали для ознакомления с этими документами на ста листах всего десять минут.

Кто знал, что подписывая договор аренды, я перестаю быть женой? Хотя, если вдуматься, это странно, что супруги должны подписывать договоры аренды вместе.

Договор аренды на Лужки, который предоставил Владимир Олегович как доказательство распада семьи, был изначально заключен в 1997 году, еще до рождения Василия. Если это означает, что мы уже не были семьей, то можно договориться до того, что Вася родился не в браке?

- Суд отказался выслушать мнение вашего младшего сына Василия, принимая решение об ограничении вас в возможности распоряжаться его алиментами. А что он думает об этом решении отца?

Наверное, ко мне это некорректный вопрос, об этом нужно спросить Василия.

- Но вам ведь известно, что об этом думает сын?

Все-таки это вопрос к моему сыну. Спрашивать меня о его мнении некорректно. Мне известна его позиция, но думаю, что неправильно будет мне ее озвучивать. В иске Владимир Олегович пишет, что он надеется, что я буду поддерживать прежний уровень жизни нашего ребенка. Как вы думаете, могу ли я поддерживать прежний уровень жизни у ребенка?

- Я не знаю ваших возможностей. Вы можете поддерживать прежний уровень вашего ребенка?

Нет, я не могу. Тем более после того, как был опубликован адрес дома, где мы жили и его фотографии. Мы пережили сложный период, когда за внуком (сыном Ивана) и за Василием была организована настоящая слежка – за ними повсюду ездили джипы, детективы фотографировали детей и были очень агрессивны по отношению к ним. Были очень тяжелые времена, когда мы боялись возможности похищения детей.

- О самом желании Владимира Потанина ограничить вас в распоряжении алиментами вы от него узнали?

Нет.

- А зачем Потанин вообще, на ваш взгляд, обратился в суд с таким заявлением?

Он сейчас разрушает жизнь ребенка. Я думаю, это давление на меня через сына.

СТРАТЕГ И ТАКТИК

- Какие требования заявляет ваш бывший супруг в иске о разделе имущества?

Он хочет поделить ту недвижимость, которая у нас была - московская квартира, где мы все прописаны, дом, в котором жила моя мама, небольшой дом в деревне и дом, построенный моими родителями, который находится в Одинцово на шести сотках. Также Владимир хочет поделить деньги, которые находились на счете в 2007 году. Еще в иске фигурирует и часовня, которая была построена после смерти его мамы.

- Вы против удовлетворения иска о разделе имущества на условиях, предложенных Потаниным?

Я против самого подхода. Почему имущество должно делиться на 2007 год? Почему я должна участвовать в этом абсурде? Делить имущество следует по закону, а не так как решил Владимир.

- Суд уже вынес два решения по искам Потанина, оба не в вашу пользу. Вы допускаете, что на суд могло быть оказано давление?

- Мне кажется, принцип равенства, справедливости и законности в моем конкретном случае и конкретной судьей нарушается, хотя я считаю, что наши законы написаны очень правильно, защищают женщин и делают это лучше, чем во многих других странах. Я все еще надеюсь, что суд меня услышит.

- У вас не было желания лично прийти в суд и выступить?

Я считаю, что у меня хорошие представители. У меня к ним полное доверие, они более профессионально могут защитить мои интересы. Зачем суду слушать мои эмоции.

- Почему Владимиру Потанину так принципиально было указать, что ваши отношения прекратились в 2007 году?

Я могу только догадываться, но ни для кого не секрет, что в 2007 году Владимир Олегович стал расходиться с Михаилом Дмитриевичем Прохоровым. После раздела общего хозяйства в 2007 году структура активов претерпела значительные изменения. Мы постепенно начинаем видеть всю картину целиком, мы предполагаем, что Владимир Олегович не случайно указал именно этот год. Та финансовая ситуация и та финансовая схема, которые работали

до раздела имущества с Михаилом Дмитриевичем, уже все переоформлены и реструктурированы и их восстановить невозможно или крайне сложно. Все, что было создано после "развода" с Прохоровым, то есть после 2007 года, и пытается защитить Владимир Олегович, несмотря на то, что, выражаясь простым языком, это семейные активы, просто переложенные в новое место. Он - стратег и тактик, у него просто так никогда в жизни ничего не случалось, поэтому совершенно точно, что это четко выбранная юридическая стратегия.

- Известно, что ваш бывший супруг присоединился к инициативе Билла Гейтса и Уоррена Баффета Giving Pledge, пообещав завещать не менее половины состояния на благотворительность...

Что вам так сдался этот Билл Гейтс? Билл Гейтс подписал акт о намерении, подписал он его вместе со своей супругой, как и другие участники. Владимир Олегович этот акт подписал, а я его даже не видела. Я не против благотворительности и в частности, не простив Клятвы дарения - это хорошее намерение. Люди, которые социально ответственны за свою позицию, за свой статус, уважают ту страну, в которой живут и тех людей, которые вокруг, они выразили намерение о том, что вот так оно должно случиться после их смерти. Это декларация о намерении.

- Об этом намерении вы узнали от него заранее?

Нет, после того, как он подписал Клятву. Билл Гейтс, как он сам говорил в официальных публикациях, сначала посоветовался со своей супругой. А Владимир Олегович со мной не советовался – он просто взял ответственность и за мою часть. Это не значит, что я против благотворительности, но у меня, возможно, имеются свои представления о том, какие лучше проекты в сфере благотворительности организовать и куда я бы хотела направить эти деньги, и я тоже умею заниматься благотворительностью.

- Какие ожидания у вас от суда по разделу имущества?

Я надеюсь, что суд услышит меня и мои аргументы. Суд совершенно справедливо присудил четверть дохода сыну, и речь не о крупных суммах, а именно о четверти доходов. Владимир Олегович был согласен с решением. И если отец получает доход, это просто его обязанность и долг по отношению к сыну.

- Вы ищете имущество Потанина за границей, обжалуете принятые местными судами решения. У стороннего наблюдателя может возникнуть мысль,

что вам мало того, что вы имеете. Чем вы руководствуетесь?

Я не удовлетворена тем, что сколько мне положено, решает не суд, а Владимир Олегович. Закон совершенно четко трактует возможную позицию с моей стороны: я развожусь с Потаниным, а у него в активах-то что? Да, я считаю, что то, что у нас было, что было нажито за 30 лет совместного брака, подлежит разделу 50 на 50. По закону российского государства. Я руководствуюсь законом и своими правами.

- А сейчас вы готовы договориться?

Сейчас, завтра, и такой у меня эта позиция была вчера. Чем раньше это произойдет, тем лучше. Это в моих интересах и в интересах моих детей. Та ситуация, которая сложилась в семье, она ужасающая. Она больше всего влияет на детей. А если Владимир Олегович всегда говорил, что будущее - это дети, и то единственное, ради чего надо жить и во что вкладываться - дети, то мне непонятна его позиция сейчас. Я, как мама, не могу сейчас уделять столько времени детям, сколько хотелось бы, я вынуждена участвовать в судебных разбирательствах, затеянных Владимиром. Он подал на развод, потом он подал на раздел имущества, потом затеял очередной иск по алиментам. Не исключаю, что еще могут появиться какие-нибудь иски в дальнейшем. Система работает безотказно.

- То есть, у вас нет чувства обиды? Или есть, но вы все равно готовы сесть за стол переговоров?

Я считаю, что умение договориться - высшее благо, которое дал нам Господь. Я думаю, им надо воспользоваться: вовремя остановиться, вовремя услышать друг друга и вовремя закончить войну - то, за что я борюсь. Я борюсь за чувство собственного достоинства, за достойную жизнь для своих детей. Да, я борюсь за свои права и за справедливость. Я хочу, чтобы все было по закону и по справедливости, с учетом равенства всех перед законом. Даже при том, что он олигарх, а я просто его жена.

Беседовала Диана Гуцул.

РАПСИ готово в любой момент предоставить возможность озвучить свою позицию стороне Владимира Потанина.

Источник: РАПСИ